

УДК 81'1

ПЕРФОРМАТИВЫ ОБЕЩАНИЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)
m.poutrova@psu.by

Исследуются перформативные действия обещания на материале записей подлинного говорения в четырех культурах: белорусской, русской, американской и английской. Уточняются и дополняются их базовые категориальные характеристики, интерпретируются количественные показатели их встречаемости, эксплицируются некоторые типичные особенности языкового воплощения обещаний в зависимости от гендерной идентичности говорящего субъекта.

Ключевые слова: обещание, гендерная идентичность, перформатив, информатив, диминутивизация.

Введение. Язык представляет собой чрезвычайно сложную систему означивания и может быть определен с самых разных точек зрения. Одной из весьма плодотворных и глубоких представляется та, которая восходит к интерпретации языка Гумбольдтом и трактует его как деятельность [1, с. 80]. Данный подход не опровергает ставшее уже достаточно традиционным видение языка как явления социальной семиотики, представляющее собой сложную развивающуюся систему единиц разного уровня и правил их организации, позволяющую осуществлять означивание или объективацию содержания как индивидуального сознания, так и культурной традиции [2, с. 2–3; 3, с. 604; 4, с. 1250; 5, с. 3–4].

Трактовка языка как деятельности не отвергает подобное понимание языка, однако она существенным образом уточняет его, делая акцент на значимости именно деятельностных параметров в языке. При таком видении языка он понимается как наиболее массовая и самая всеохватывающая из всех известных нам видов деятельности, гигантская и анонимная подсознательная работа многих поколений [6, с. 194].

Представляется важным отметить, что при представленном подходе к интерпретации языка важнейшей единицей его описания оказывается не фонема, морфема, слово или предложение, а то языковое действие, которое всякий раз совершает говорящий или пишущий субъект, когда он объективирует в конкретной ситуации общения важные для него и его собеседника смыслы.

Наиболее всесторонне названная единица, то есть речевое действие или речевой акт, в другом, получившем широкое распространение терминологическом обозначении, рассматривается в рамках теории речевых действий. Данная теория представляется весьма перспективной в исследованиях языковой репрезентации гендера. Ценность ее состоит в том, что она убедительно показывает регулируемость вербального поведения, все разнообразие которого сводится к определенному относительно небольшому перечню речевых действий. Среди них выделяется группа так называемых перформативов, то есть действий, в результате осуществления которых наблюдаются изменения в реальном мире.

Один из основоположников теории речевых действий Дж. Серль блестяще иллюстрирует расхождение в направленности соответствия между словами и миром в случае констатаций или утверждений, повествований, описаний, информативов или информирующих действий и перформативных высказываний. Он справедливо отмечает, что констатации и описания *отражают* мир, который они *описывают*. Ключевыми словами в аргументации Дж. Серля являются «отражают» и «описывают». Благодаря названному отражению (причем данное отражение видится автору зеркальным, ибо он употребляет глагол *to mirror*), благодаря названному свойству констатации проявляют такую направленность соответствия, при которой *слова отражают мир*. В случае же с перформативами слова могут формировать мир, вносить в него изменения. Направление соответствия или соотносительности начинается со слов, вернее со смысла речевых действий, и устремляется к *измененному миру*. Дж. Серль заявляет буквально следующее: «Некоторые высказывания заставляют слова (более точно, их пропозициональные значения) *соответствовать миру*, другие вынуждают *мир соответствовать словам*» [7, с. 31–32]. Как правило, в качестве примеров перформативов приводятся действия по наименованию, действия распоряжения или заявления высокоуполномоченных особ, пари и т.п.

В настоящем исследовании рассмотрению подлежат обещания, то есть действия, результатом которых, как правило, являются радикальные перемены как в частной, приватной сфере, так и в общественной, профессиональной.

Новизна работы состоит в рассмотрении обещаний в неизученном ранее ракурсе, описании их характеристик в реальных актах общения с учетом гендерной идентичности породивших их субъектов.

Актуальность работы вытекает из значимости знаний о языке как деятельности вообще и о его важнейшей единице – речевом действии обещания в частности, причем весьма глубоких знаний, показывающих значимость гендерной переменной в реализации обещаний.

Мы разделяем точку зрения основоположников теории речевых действий о том, что обещание обязывает говорящего к совершению определенных действий. Вместе с тем мы полагаем, что комиссивная или обязывающая составляющая обещания не исчерпывает его структуру. Помимо обязательств говорящего, обещание предполагает определенное взаимодействие, способное вызвать максимальное доверие и на этом основании позволяющее говорящему субъекту строить отношения с другим собеседником.

Наша гипотеза состоит в том, что осуществление действий обещания может иметь гендерно специфические черты.

Основная часть. В нашем эксперименте анализу было подвергнуто пять массивов записей подлинного говорения на четырех языках: британском английском, американском английском, русском, белорусском и на так называемой «трасянке». Каждый из данных массивов состоял из приблизительно 40 000 слов текста.

Целью эксперимента было выявление в массиве записей действий обещания и сопоставительный анализ их функционирования в аспекте гендера.

Кроме того, к анализу привлекались данные, полученные в ходе другого эксперимента, направленного на выяснение афористических высказываний или утверждений, которые современные языковые личности, мужчины и женщины, считают отражающими их жизненную позицию или которые они находят полезными для организации своего поведения. Мы просили участников эксперимента представить свой жизненный девиз в максимально аутентичной форме, то есть так, как они формулируют его для себя.

Всего было опрошено 120 мужчин и 120 женщин. Оказалось, что в 17,5% случаев испытуемые приводили высказывания, эксплицитно или имплицитно, косвенно, указывающие на значимость обещаний, например:

1. Ничего не проси и ничего не обещай.
2. Не обещай, а пообещав, выполни.
3. Черешни не обещать. (Видимо, сокращенный вариант белорусской поговорки “абяцаць чарэшні на вярбе”).
4. Как Борис сказал, так Борис и сделал.
5. Сказано, сделано.
6. Будь своему слову хозяйкой/хозяином.
7. Слово не воробей.
8. Слово аукнется.
9. Без лишних слов.
10. Сонечка, отсекай лишнее: вес, вещи и слова.
11. Обещанное три года ждут.
12. Сначала думай.

Полученные данные позволяют утверждать, что не только лингвисты, особенно те из них, кто занимается проблемами коммуникативной лингвистики, прагматики, теории речевых действий, понимают значимость обещаний, но и сами языковые личности отдают себе отчет в важности именно данной разновидности перформативных действий для своей успешной жизнедеятельности.

Некоторые из представленных жизненных установок имели и другие формы реализации своего главного, пропозиционального смысла. Например, смысл последней из них оказался представленным еще в двух вариантах:

- Не подумав, не говори.
- Сначала Таня думает.

Наиболее вариативной оказалась реализация смысла, представленного в первой установке:

- Не проси и не обещай.
- Ничего–ничего не проси и ничего не обещай.
- Лучше не просить и ничего! никому не обещать. (Здесь сохранена пунктуация автора).
- Без обещаний и просьб.

Весьма краткое кредо «Сказано, сделано» также оказалось представленным в ряде других не менее кратких вариантов:

- Сказал – сделал.
- Сказал, значит, сделал.

Не отмеченное ранее кредо «Слов на ветер не бросай», на наш взгляд, также является вариантом приведенного в пункте 6 утверждения (Будь своему слову хозяйкой/хозяином).

Очевидным образом приведенные девизы можно анализировать с точки зрения гендерных особенностей их языкового воплощения, однако для целей нашей работы на данном этапе важнее получить подтверждение значимости обещаний в организации жизнедеятельности членов языкового сообщества.

Частотность обещаний в наших записях подлинного говорения относительно умеренная. Наша шкала состояла из шести градаций частотности зарегистрированных в полученных записях разновидностей речевых действий: очень высокой, высокой, средней, низкой, очень низкой, минимальной.

Примечательно, что сопоставляемые культуры по показателям частотности обещаний имеют много общего. Во всех из них данная разновидность перформативов имеет среднюю частотность. Даже если уточнить сущность градации «средняя частотность» с помощью разделения ее на высокую среднюю, среднюю среднюю и низкую среднюю, то, к нашему удивлению, показатели частотности остались в основном в графе «средняя средняя».

Другой общей для всех культур чертой являются определенные гендерные отличия обсуждаемых показателей. Данные отличия, однако, слабо выражены и составляют всего 10 плюс минус пять процентов (таблица).

Таблица. – Относительные показатели встречаемости обещания в %

Культура Гендер	Белорусская	Русская	Американская	Английская
ж	62,5	57,5	52,5	55
м	37,5	42,5	47,5	45

Примечание. За 100% принимается общее количество обещаний в одной культуре.

Анализ дистрибуции реплик обещаний побуждает несколько иначе взглянуть на представленные данные.

В речевом потоке обещания существуют не сами по себе, а, как правило, реализуются совместно с некоторыми другими действиями. По нашим данным, в качестве таких действий выступают просьбы, информативы и, особенно, высказывания, побуждающие собеседников к совершению действий обещания. Как правило, последние интерпретируются как действия, направленные на запрос информации, однако таковыми не являются, несмотря на определенные сходства в структуре. Рассмотрим следующие два высказывания:

1. Скажи, который час.
2. Скажи, что ты придёшь к часу.

Второе действие в нашем примере не столько запрашивает информацию, сколько побуждает собеседника к реализации обещания.

Показатели частотности таких действий в вербальном поведении мужчин и женщин практически идентичны, хотя по абсолютным значениям они все-таки выше у женщин почти во всех подгруппах, то есть с учетом возраста и образования. Общие различия, однако, не превышают 1,5–1,75–2,25%. Данная особенность позволяет сделать вывод об одинаковой актуальности побуждений к обещанию в вербальном поведении как мужчин, так и женщин. Если же соотнести показатели частотности данных действий с приведенными ранее показателями встречаемости самих обещаний, то получается, что мужчины чаще на свой запрос получают обещание. Особенно если учесть не только их общее количество, но и сферу, с которой они соотносятся. Женские обещания чаще сфокусированы на реалиях приватной сферы, в то время как мужские – на профессиональной, общественной. Кроме того, они чаще адресованы другим мужчинам. В результате получается, что по показателю обещаний мир обитания женщин отличается от мира мужчин.

Мир женщин оказывается менее щедрым на адресованные им обещания. Данное различие касается не только будущего, на которое направлено обещание. Социология, как известно, оперирует понятием «социальное время». Будущее определяет настоящее. Обещание как раз и является тем перформативным действием, которое способно менять настоящее.

Обращение к языковой форме реализации обещаний позволило выявить значительную их специфику в зависимости от гендерной идентичности говорящего субъекта. Прежде всего отличающимися оказались показатели общей встречаемости самого перформативного слова «обещаю», а также особенности его распределения. В женском говорении чаще фиксируются повторы данного слова в пределах одного обещания, в результате чего меньшее количество употреблений словоформы «обещаю» оказывается реализованным в большем количестве перформативных действий обещания у мужчин. Кроме того, в женских обещаниях значительно чаще встречаются имена личные, придыхания, уменьшительные формы слов, интенсификации, повторы. Последние три перечисленные средства, как известно, являются способами диминутивизации объектов и реалий окружающего мира. Совместно с более частотными в женских обещаниях личными именами и придыханиями они привносят специфику в языковую картину мира говорящего субъекта, особенно сказываясь на его, то есть мира, дистанционных характеристиках. Женская языковая картина мира оказывается менее удаленной от говорящего субъекта.¹

В качестве примера типичных реализаций обещаний в говорении женщин можно привести те, которые содержатся в следующем фрагменте наших записей подлинного общения на белорусском языке. (См. реплики А₁, А₄, А₅).

¹ Более подробно гендерные особенности реализации обещаний представлены в другой нашей работе, см. [8].

- I. Б₁: Абячай, што не будзеш.
 А₁: *Не буду-не буду-не буду-не буду.*
 Б₂: *Так?*
 А₂: *Так! Вот.*
 Б₃: *Таак...*
 А₃: *Так, так, так, так.*
 Б₄: *Абяцаеш?*
 А₄: *Абяцаю, абяцаю. Не буду.*
 Б₅: *Ыгы...*
 А₅: *Не буду, не буду...* [Придыхание]
 Б₅: *Нну ... Такк. Добра!*

Аналогичная картина открывается при анализе фрагментов, содержащих речевые действия обещания в ситуациях общения на других рассматриваемых нами языках: английском (см. фрагмент II) и русском (фрагмент III).

- II. А₁: I tell you, I'll do that! I'll do that! I'll do that!
 Б₁: Will you?
 А₂: Sure!
 Б₂: Okey. Uhm... Can you Can you just promise that
 А₃: I can I can I can!
 Б₃: Great!
 А₄: I do promise, Alec, I do promise I'll do it. I'll do it. I do promise it.
 Б₄: Great! www...

Примечание. Подчеркнутыми в репликах Б₂ и А₃ являются фрагменты одновременного говорения.

- III. А₁: Надюш, ты же мне поможешь, а? Со всем этим.
 Б₁: Ну да!
 А₂: Честное слово?
 Б₂: Ой, ну конечно.
 А₃: Обещаешь?
 Б₃: Обещаю, обещаю.
 А₄: Ой!
 Б₄: Ну да, Танюш. Ты что? Помогу.
 А₅: Поможешь?
 Б₅: Помогу-помогу, лапка. Что ты! Обещаю.

Как видим, во всех из них имеются повторы, причем иногда неоднократные (см. I А₁, А₃), (II А₁, А₃, А₄), (III Б₃, Б₅). Повторяется также и само перформативное слово «обещаю». Кроме того, реализуются и многие другие отмеченные ранее характерные черты женского говорения: придыхание (см. I А₅), более частотное употребление имен собственных, ласкательных наименований (III, Б₅), характерных междометий (III Б₂, А₄).

Выводы. Суммируя результаты проведенного исследования правомерно сделать вывод о наличии как общих, так и гендерно специфических характеристик реализации перформативных действий обещания. Последние имеют своим результатом определенные отличия в языковой картине мира и в мире непосредственного обитания по гендерному признаку.

В языковом плане отличия представлены прежде всего в количественных показателях употребительности обещаний и их предпочтительной дистрибуции в определенных сферах жизнедеятельности. Гендерная специфика вербальной реализации обещаний проявляется в характерных и для других речевых действий показателях: частотности средств диминутивизации, встречаемости имен личных, употребительности характерных междометий, дисфлуэнтных вставок, распределении самого перформативного слова «обещаю».

Общим или примерно одинаковым, по нашим данным, является понимание значимости обещания для полноценного обеспечения жизненных потребностей, выражающемся:

- 1) в сходных показателях частотности реплик, побуждающих собеседника к осуществлению речевых действий обещания;
- 2) в примерно одинаковой встречаемости апелляций к обещаниям при формулировании жизненных позиций и кредо в виде кратких афористичных высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : 1985. – 497 с.

2. Halliday, M.A.K. Spoken and Written Language / M.A.K. Halliday. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 109 p.
3. Мельничук, А.С. Язык / А.С. Мельничук // Лингвистический энциклопедический словарь ; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 604–606.
4. Можейко, М.А. Язык / М.А. Можейко // Новейший философский словарь ; гл. ред. А.А. Грицанов ; изд. 2-е. – Минск : Интерпрес Сервис, 2001. – 1255 с.
5. Chomsky, N. Knowledge of Language / N. Chomsky. – New York : Praeger, 1986. – 294 p.
6. Сэпир, Э. Язык, раса и культура / Э. Сэпир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Универс, 1993. – С. 185–194.
7. Серль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Зарубежная лингвистика 11. – М. : Прогресс, 2002. – С. 229–253.
8. Путрова, М.Д. Сопоставительный анализ речевых действий обещания / М.Д. Путрова // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманит. науки. – № 2. – 2014. – С.53–59.

Поступила 12.01.2018

THE PERFORMATIVES OF PROMISE: GENDER ASPECT

M. POUTROVA

The article reports the study of the performative acts of promise singled out from the recordings of authentic talking in Russian, Belarusian, British English and American English. It specifies some basic characteristics of the performatives, their distribution and linguistic representation with reference to the engendered identity of the speaking subjects.

Keywords: *promise, gender identity, performatives, informatives, diminutization.*